

использования непрямого воздействия на адресата повышает эффективность влияния на другого человека, а также способствует защите личных интересов, укреплению собственной позиции. Стоит также отметить, что использование средств НК делает речь более оригинальной, позволяет достигать эстетического и юмористического эффектов. Помимо этого, НК отражает национально-культурные особенности китайского народа.

И. С. Балабанович (Минк, Беларусь)

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОГО КОММЕНТАРИЯ

В ЛИРИКЕ П. АНТОКОЛЬСКОГО

Творчество Павла Антокольского – интересная страница в литературе XX века. Его стихи, выросшие на лучших традициях зарубежной и русской словесности, вобрали в себя все многообразие контекстов, предложенных бурным и противоречивым ушедшим столетием. Они насыщены историческими, культурологическими, литературными «переключками», поэтому представляют собой репрезентативный материал, который может быть использован при изучении интертекстуальных связей в русской поэзии того времени.

Рассмотрим некоторые способы создания метатекстуального комментария в стихах П. Антокольского. При этом метатекстуальность будем понимать как явление, подразумевающее содержательную и / или формальную комментирующую связь между различными текстами и / или фрагментами внутри текста. Прежде всего, создание такого рода комментариев у П. Антокольского связано с осмыслением наследия прошлого, конструктивным и уважительным диалогом с русской и зарубежной классикой. Прототекст может характеризоваться с помощью отдельного эпитета (*яростный том Шекспира* («Вступление»)), сравнительного оборота в составе простого или сложного предложения (...*много странного, простого, Как жизнь и смерть и как роман Толстого* («Я в пять часов проснулся без причины...»)), *Ночь невинна, как Жюль Верн, Чтобы мог прочесть ребенок* («Новый год. 1927 – 1967»). В данном случае комментирующая ссылка на «обобщенный» роман или на творческую манеру предшественника в структуре авторского текста выполняет скромную функцию дополнительного смыслового включения. Позднее рассмотрим примеры, где метатекстуально маркированные элементы берут на себя структурообразующую роль во вторичном тексте.

Осмыслению П. Антокольский может подвергать какой-то один элемент творчества другого автора: *Здесь висельник Вийон шептал ... Распутные стихи; Здесь, может быть, Бальзак, мрачней постепенно, Распутывал ходы житейских дряг и драм* – характеристика манеры построения сюжетов О. де Бальзаком. Может рефлексировать над

литературоведческими категориями вроде жанра трагедии (стихотворение «Вступление»). Но чаще в комментариях дается оценка всему творчеству предшественников и современников, очерчивается некое общее впечатление от их текстов. Зачастую такого рода метатекстуальные комментарии включаются в стихотворения, посвященные тому или иному литератору — часто объемные, насыщенные изящными аллюзиями, отсылающими к многочисленным текстам того или иного автора, почти всегда демонстрирующие интерес П. Антокольского к деталям биографий (что может быть выделено в качестве отличительной черты литературных «переключек» в лирике П. Антокольского, вспомним хотя бы его драматическую поэму «Франсуа Вийон»). Среди этих стихотворений – «Пушкин», «Черная речка», «Работа», «Дорога», посвященные А. С. Пушкину, «Гроза в Пятигорске» (о М. Ю. Лермонтове), «Бальзак», «Шекспир», «Памяти Эсхила» и др. Так, описывая в стихотворении «Работа» процесс создания Пушкиным своих произведений, Антокольский характеризует с помощью метафоры податливой мокрой глины и пушкинский стиль в целом: *Только б вырвать единственно нужное слово! ... Только б выхватить слово! И, будто бы глина, Рухнут мокрыми комьями на чрновик Ликованье и горе, сменяя друг друга. Он рассудит их спор. Он измала привык мять, ломать и давить у гончарного круга.* Кстати, порой П. Антокольский не только комментирует, но и пересказывает, творчески переосмысляя, претекст (например, в «Дороге» находим гипертекстуальный пересказ сна Татьяны Лариной: сюжетный остов и основной образ бегущей по снегу героини сохраняются, но образный ряд существенно дополняется, благодаря чему возникают новые смыслы). В ряде случаев на размышления о предшественниках П. Антокольского наталкивают памятники им («Бронзовый поэт» – об А. Мицкевиче, «Памятник Гоголю»). Кстати, в последнем из названных стихотворений любопытным образом 3-е грамматическое лицо превращается в 1-е, лирический герой П. Антокольского сливается с «я» Н. В. Гоголя, благодаря чему как бы сам русский классик, сжегший последний том «Мертвых душ», дает метакомментарий своему творчеству как феномену, не имеющему окончания, бесконечно продолжающемуся, находящемуся вне законов времени: *Нет, ни один мой лист не свёрстан, Том не дописан ни один, Ищи их по летящим вёрстам В сырье несущихся годин! И то, что я сжигал когда-то, Моя болезнь, а не венец.*

Любопытно, что прототекст, подвергающийся метатекстуальному комментарию, может являться метафорой, обобщенным метафорическим образом. Так, стихотворение «Рождение нового мира» можно считать классическим метатекстуальным: оно реконструирует процесс написания В. И. Лениным в эмиграции некой книги. При этом неясно даже, в каком городе происходит действие и какой из трудов «вождя революции» имеется в виду. «Книга, медленно растущая» соотносится с вынесенным в заголовок «новым миром»: некая

неназванная книга – это целый «новый мир» (вероятно, аллюзия к «Интернационалу»), а ее написание – рождение, то есть процесс трудный, но естественный и окруженный сакральными смыслами.

Иногда П. Антокольский как бы освещает прожектором одного из героев прототекста – не отрывая его от ближайшего контекста, то есть произведения, откуда он взят, поэт размышляет о нем, комментирует его образ, а иногда даже вводит его в фокус текстообразующей метафоры, на которой строится вторичный текст. Последний случай может быть проиллюстрирован стихотворением «Гулливер», в котором человечество соотнесено с лилипутами, а гигант-Гулливер – с социальными процессами, с которыми приходится сталкиваться обществу в переломные периоды истории. При этом стихотворение в каком-то смысле представляет собой поэтический пересказ фрагмента из романа Д. Свифта, а сам роман с помощью лаконичного метатекстуального комментария характеризуется как *роман социальных зол*. К осмыслению образов литературных героев П. Антокольский обращается также в стихотворениях «Гражданин Чичиков», «На смерть Демона», в цикле «Гамлет» и др.

Более ограниченно в лирике П. Антокольского присутствуют метатекстуальные комментарии, относящиеся к собственному тексту. При этом часто маркируется последовательность изложения мыслей, развития поэтического сюжета с целью акцентирования читательского внимания: *Но стойте! Может статься, Я начал не с того конца и зря?* («Приезд бригады»), *Здесь, в серой тесноте Латинского квартала... – Так я хотел начать* («Бульвар Сен-Мишель»). Для П. Антокольского характерно объединение внутри одного стихотворения элементов с разной смысловой, ритмической, субъектной организацией, один из которых может комментировать другой. Например: *Ты не слушаешь? Это / С тобой говорит / Не похмелье поэта, / А время и ритм* – так неожиданно 4-стопный анапест сменяется более «легким» для восприятия 2-стопным, приближающим ритм стихотворения к ритму живой льющейся речи. Причем именно ритму в комментарии и уделяется особое внимание.

Метатекстуальность может привлекаться и для реализации дидактической функции поэзии: во вступлении к поэме «Коммуна 1871 года» П. Антокольский описывает свой способ отражения истории в творчестве, но одновременно утверждает его как ценность, подчеркивая значимость работы с разнообразными историческими источниками, превосходство точных деталей над увлекательным сюжетом (*Не события рассказ понесут*).

Комментирует поэт не только свое творчество, но и творчество тех, кого считает своими единомышленниками, представителями одного с ним поколения: украинского поэта Н. П. Бажана, грузина С. И. Чиковани, армянина Н. Зарьяна, азербайджанца С. Вургуня.

П. Антокольский прожил долгую и непростую жизнь, пережил революцию и две мировые войны, обращаясь к историческому и культурному прошлому, он с оптимизмом смотрел в будущее, ощущая себя частью советской литературы: *Наш единый, наш многоязыкий раскованный говор, Наша песня пройдет по земле не разящим мечом, А снопом световым, как прожектор по вспыхнувшим тучам* («Послание друзьям»).

О. Н. Кулиева (Минск, Беларусь)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Известно, что неверное использование эмотивных знаков приводит к неудачам в межкультурной коммуникации. Следовательно, при изучении любого языка существует необходимость формирования эмотивной компетенции, означающей умение правильно пользоваться и понимать эмотивный код как родного, так и изучаемого языка, под которым в семиотике понимается вся совокупность средств выражения эмоций в языке.

Будучи одной из универсалий человеческого поведения, эмоции на речевом уровне имеют разные лексические структуры и национальную специфику выражения. Исходя из этого, в языкознании выделяют универсальные эмотивные смыслы слов, эмотивные лакуны и безэквивалентную лексику. При изучении иностранного языка особую сложность представляют при передаче эмотивные лакуны и безэквивалентная лексика.

Если под лакунами в лингвистике понимаются любые несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных категорий двух различных культур, то эмотивную лакуну можно определить как отсутствие в изучаемом языке эквивалентной единицы для передачи эмотивной нагрузки слова из родного языка. К ним, как правило, относят экспрессивные формы обращения, прозвища, связанные с элементами и героями национального фольклора, а также идиомы. Эмотивные лакуны характеризуют специфику реалий, процессов, состояний, противоположных узуальному опыту носителя того или иного языка и, соответственно, культуры.

К интеркультурным эмотивным лакунам можно, например, отнести несовпадения в цветовой символике британцев и русских. В Британии белый цвет ассоциируется с надеждой, радостью, честностью, добродетелью, что находит свое отражение во фразеологизмах типа *whiter than white*, *white wedding*, *white funeral*, *white lie*, *white magic*, *white hope*, *white knight*. Те же традиции цветообозначения наблюдаются и в русской культуре, однако они не отражены в языке. Кроме этого, в английском языке слово *white* входит в ассоциативное поле *покой*, чего не наблюдается в русском языке. Несовпадения в